

НЕЛЛИ
ВОСКОБОЙНИК

БУКВАРИ
И
АНТИКВАРЫ

РАССКАЗЫ

Нелли Воскобойник

Буквари и антиквары

Серия «О времена!»

Текст предоставлен правообладателем

*Нелли Воскобойник. Буквари и антиквары : рассказы: Время; Москва;
2020*

ISBN 9785969120310

Аннотация

Книга «Буквари и антиквары» похожа на свое название. В ней разворачивается множество историй: от простых, как букварь, до старинных и изысканных, как дорогой антиквариат. Истории эти вполне понятны каждому, но читатель должен быть внимателен: два-три последних предложения – и все оказывается совсем не так, как казалось поначалу. Последнее слово, как петарда, по-другому освещает все, что было раньше. Каждый рассказ – маленький сюрприз. Часто забавный, иногда смешной, бывает, что печальный, но почти всегда неожиданный. Тот, кто прочтет эту книгу один раз, наверное, захочет прочесть ее снова.

Содержание

Дина Рубина. В наше время оглушительного многоголосия...	5
От автора	7
Русский музей	8
Разговор в Петербурге	8
Предложение	11
Доказательство	13
Первый роман	20
Метичара	24
Накануне экзамена	32
Скорая помощь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Нелли Воскобойник

Буквари и антиквары

Редактор *Наталья Рагозина*

Художественный редактор *Валерий Калныныш*

Верстка *Оксана Куракина*

Корректор *Елена Плёнкина*

© Н. Б. Воскобойник, 2020

© Состав, оформление, «Время», 2020

*Посвящается моему отцу Борису Яковлевичу
Воскобойнику*

Дина Рубина. В наше время оглушительного многоголосия...

В наше время оглушительного многоголосия, а порой и воплей – я имею в виду исключительно литературное пространство, – издатель да и читатель запросто могут пройти мимо этой небольшой книги, не услышав ее негромкого оклика. А ведь любая книга нас окликает. Сегодня книги должны не только взывать к читателю, но, образно говоря, порой и хватать его за рукав в попытке обратить на себя внимание. Что поделать: интернет, социальные сети, вездесущая реклама и тотальная мозговая усталость подавляющей части населения диктуют свои жесткие законы. Ныне издателю недостаточно решить, что книга хороша. Она должна быть бойкой, звонкой и чуточку продажной, чтобы ее не затоптали.

Эта книга вроде бы совсем не отвечает данным запросам. Это небольшие изящные, иногда ироничные, точнее улыбочивые рассказы (даже если в них описываются вовсе невеселые вещи или судьбы), которые читаются легко, будто скользя мимо ваших глаз. Вся книга – целая галерея персонажей, часто стилизованных: тут и поэты, и дамы, и барристеры, и писатели, и короли, и капуста. Когда автору не хватает людей, в дело идет что и кто угодно: лесная и домашняя нечисть, ля-

гушки, русалки, рыцари, принцы, принцессы, а также исторические деятели и знаменитые лица. Их много, и в рассказах Нелли Воскобойник они оказываются совсем не такими, какими мы их представляли.

Все это напоминает игру в шарады, все полно ожиданием праздника, все написано безупречно точным и чистым языком. Это такие литературные орешки, щелкать которые и забавно, и интересно, и трогательно.

Словом, книга Нелли Воскобойник совершенно выпадает из привычных новинок наших дней. Она стоит наособицу и словно бы ожидает своего читателя, который, как мне кажется, взяв в руки книгу и раскрыв ее, проникнется благодарностью и к автору, и к героям этой восхитительной, похожей на игру, затеи.

Дина Рубина

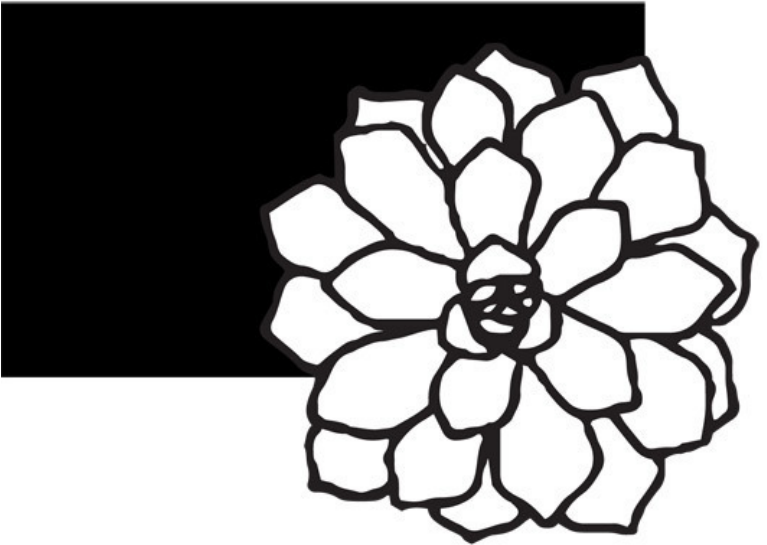
От автора

Эта книга предназначена для читателя любознательного и немного легкомысленного. Автор тщательно следил за тем, чтобы рассказы не были однообразными. Чтобы сюжеты касались разных эпох и стран. И даже жанры чтобы не приедались и не вызывали скуки.

Поэтому в книге соседствуют истории реальные, выдуманные и вообще сказочные. Серьезные и легкомысленные, печальные и шуточные.

Не спорю – может, я где ихватила лишку. Может, фантазия, вырвавшись на свободу, ускакала слишком далеко от того, что интересует читателя в двадцать первом веке. А может – и ничего... Вам судить.

Русский музей

Разговор в Петербурге

Владимир Николаевич вернулся из министерства домой в пятом часу вечера. Перед обедом он успел просмотреть счета и положил на лаковый поднос, где они лежали, несколько купюр и записку к своему секретарю с просьбой завтра же счета оплатить.

За обедом он не удержался и спросил у жены:

– Ты, Машенька, не обижайся. Я, разумеется, не расспрашиваю тебя никогда, на что ты тратишь деньги. Это было бы даже оскорбительно. Наши обстоятельства, слава богу, не вынуждают нас экономить на мелочах. Но меня разбирает любопытство. Я видел счет из галантерейной лавки на два рубля и сорок копеек за тесьму и позумент. Никак не могу сообразить, для чего они тебе понадобились?

Мария Дмитриевна ответила, улыбаясь:

– Мы с Таней начали шить платье кукле. Позумент замечательно пойдет к зеленому шелку шлейфа, а тесьма нужна для шляпки. Танюше шестой год. Она знает все буквы, упражняется на пианино, говорит без ошибок по-французски. А теперь буду учить ее шить. Меня научила мама, а я научу ее.

– Шить? – изумился Владимир Николаевич. – Зачем же шить?

– Ну как, – засмеялась жена, – она же девочка! Ей это нужно.

Владимир Николаевич поморщился:

– Машенька, сейчас другие времена. Купи ей глобус, почитай Брема, своди в Русский музей... Ей нужно общее развитие. Я уверен, что когда Таня окончит гимназию, у нее будут все возможности поступить в университет. Она сможет стать инженером, математиком, архитектором или, на худой конец, доктором. Неужели ты думаешь, что наша дочь будет

шить себе платья сама? Ведь начался двадцатый век. Ничто теперь не помешает образованной женщине заниматься самым интересным делом, каким ей вздумается. Только представь – когда она закончит университет, будет тысяча девятьсот восемнадцатый год! А когда она войдет в мой возраст, на календаре будет тысяча девятьсот тридцать седьмой! Вряд ли тогда она найдет повод воспользоваться иголкой... Впрочем, тебе виднее. Я просто полюбопытствовал.

Мария Дмитриевна улыбнулась и своей ложечкой помешала чай в его чашке.

Предложение

Марья Васильевна сидела в глубоком кресле и, чуть повернув голову, смотрела через нежный тюль занавески на капли дождя, стекающие по стеклу. На ней было домашнее платье, отороченное плотными черными кружевами.

Подле нее стоял невысокий лысоватый человек в очках. Глядя в окно, Марья Васильевна говорила ему:

– Послушайте, Алексей Спиридонович, я не могу быть вашей женой. Мы принадлежим к разным сословиям. Все, что ценно и значительно для меня, вызывает у вас кривую усмешку. Вера, народ, отечество – все это для вас пустой звук. Вам не свято Рождество, вам не дороги наши победы, вы не уважаете законов, не чтите отцов Церкви, насмехаетесь над Государственной думой! Да полно! Есть ли вообще что-нибудь важное для вас?

– Есть! – мрачно ответил Алексей Спиридонович. – Вы! Вы важны мне, дорогая! Ну, хотите, ради вас я стану патриотом?

Марья Васильевна сердито топнула ножкой. Алексей Спиридонович опустил глаза на ее маленькую ступню, обутую в войлочный шлепанец.

Внезапно в комнате раздался легкий вскрик. Марья Васильевна посмотрела на экранчик мобильного телефона и стала быстро и досадливо набирать: «Никакой корицы! Только

мускатный орех!»

Она снова взглянула на мужчину:

– Нет, Алексей Спиридонович. Не получится у нас ни брака, ни любви, ни дружбы. Могу предложить только квики¹. Да и то не теперь. Нынче я говею. Позвоните как-нибудь после праздников...

¹ Квики – быстрый секс (*жаргон*).

Доказательство

Ирина Михайловна была женщиной добродушной и смешливой. Жили они с мужем в собственном доме с садом на окраине Ставрополя. Дом был трехэтажный. То есть на третьем этаже только чердак, но под треугольной черепичной крышей и с круглым окошком. За домом располагался фруктовый сад, а от ворот, выходящих на тротуар, к входной двери вела дорожка, мощенная плоскими камнями. По обе стороны дорожки от калитки до самых дверей тянулись две ухоженные клумбы. Хозяйка очень заботилась, чтобы с весны и до глубокой осени на клумбах цвели цветы. Сама Ирина Михайловна до пенсии работала фельдшерницей. Ее очень уважали и в поликлинике, и соседи. Однако на зарплату свою она только и могла бы покупать цветочные семена для клумб, овощи для борща да пряжу для свитеров, которые вязала на дни рождения мужа, дочерей, зятьев и внуков. Остальное зарабатывал муж. У него была редкая и очень ценная специальность. Он работал кварцевулом в какой-то совершенно секретной, как бы даже не существующей организации и получал несообразно большую зарплату. Как доктор наук. И то сказать, докторов наук в его институте было несколько, а хороший кварцевулом на весь Ставропольский край – один. Поэтому у них был ухоженный трехэтажный дом с садом и отдельно стоящей мастерской Виктора Степановича, которую

язык не поворачивался назвать сараем.

Оба они уже были на пенсии и, пока здоровье позволяло, жили приятной, несуетной провинциальной жизнью. Обе дочери имели отдельные квартиры, но внуки любили просторный бабушкин дом и частенько ночевали у нее, в особенности перед экзаменами. Готовиться к летней сессии в тишине, валяясь в гамаке в саду и балуясь первой клубникой, было куда приятней, чем переживать эту суетливую пору под строгим родительским надзором.

Первое чудо Ирины Михайловны как раз и было связано с экзаменом, который сдавала в медицинском институте любимая внучка Алина, девочка серьезная и основательная, отличница по характеру и поведению. Алина пожаловалась, что ужасно, как никогда прежде, боится экзамена по фармакологии. Уверена, что не сдаст на пятерку, а может быть, и вообще не сдаст с первого раза. Доцент Хохлов, по ее словам, был плохим лектором, говорил невнятно и туманно. А экзамены принимал с невиданной свирепостью. Старшекурсники рассказывали, что приходили на экзамен по множеству раз и уносили в конце концов в зачетках отметки, никак не соответствующие их знаниям. И никогда никаких пятерок.

Алина зубрила, тосковала и временами говорила: «Эх, если бы не Хохлов, а Владимир Николаевич! У него бы каждый получил, что ему положено».

На утро перед экзаменом Ирина Михайловна сказала Алине:

– Иди спокойно. Хохлов не придет. Будет тебе твой Владимир Николаевич.

– А что, – хихикнула Алина, – умрет, что ли?

– Еще чего не хватало, – возмутилась бабушка. – Не умрет, конечно. И не заболевает. А просто у него трубу прорвет. Пока будет искать вентиль, звать сантехника, протирать насухо паркет, чтобы не покоробился, выносить на просушку ковры, Суздальцев уже примет экзамен у всей группы.

– А ты откуда знаешь, что фамилия завкафедрой Суздальцев? – удивилась Алина.

– Догадалась, – ответила бабушка.

Алина засмеялась, несмотря на тяжесть в сердце, чмокнула бабку и побежала на автобус. Из института она позвонила по автомату и торжественно сказала: «Пятерка! Представляешь? Хохлов не пришел. Суздальцев принимал экзамены. Мне задал два дополнительных вопроса, поставил пятерку и еще похвалил».

Ирина Михайловна улыбнулась телефону. Она знала, что сделала это сама, но совершенно не представляла как. Чудо далось ей без всякого труда. Оно выпорхнуло, оставив ощущение радости, уверенности в себе и возбуждения – не того зрелого, какое пришло в замужестве, а легкого, неопределенного любовного возбуждения, которое она испытала, когда Витя настойчиво целовал ее в первый раз, прижимая спиной к дереву. Так, что она не сразу и почувствовала, как на шею со ствола заползло несколько муравьев. Вот эта самая

щекотка на шее и была четвертым признаком, сопровождавшим ее первое чудо. Дальше чудеса стали приходить каждые несколько дней. Легкий зуд на шее, покалывание радости, предчувствие скорого момента счастья – и что-то источалось из нее, оставляя уверенность в себе и полное удовлетворение. Иногда она поджидала этот момент, чтобы сделать то, чего ей хотелось самой – оживить любимую акацию, захиревшую от старости, или вернуть воду в давно пересохший колодец в углу сада. Иногда чудеса сами выбирали сюжет, и она с готовностью соглашалась. Однажды у ее соседки за ремонт крыши запросили вдвое против того, на что она рассчитывала. Ирина Михайловна предложила одолжить деньги, но соседка отказалась. Отдавать такую сумму было не из чего. В тот же вечер бригадир кровельщиков снова пришел и назначил нормальную цену. Причем вел себя так, будто предыдущего разговора вовсе не было.

Бывало, что чудеса не появлялись неделю или больше. Особенно если Ирина Михайловна болела или была занята неприятными неотложными делами. Тогда она скучала по ним и ждала ежеминутно.

Виктор Степанович, человек рациональный и неторопливый, часами занимался своими проектами в мастерской и никаких странностей в жене не замечал. Впрочем, она, в жизни ничего от него не скрывавшая, с ним об этом говорить и не думала. А рассказать кому-нибудь хотелось невыносимо. Она попробовала рассказать дочерям – старшая по-

чему-то рассердилась, не дослушала и потом несколько дней даже по телефону отвечала матери коротко и сухо. Младшая просто отмахнулась, будто и не слышала.

Однажды, во время традиционного воскресного обеда, когда дети и внуки собрались за столом, шаловливое чудо выпорхнуло на волю – и алые георгины, пышно цветущие по обе стороны от дорожки к дому, стали ярко-сиреневыми. После вкусного и веселого застолья все шли по двору к воротам, и младшая дочь сказала старшей:

– Мне казалось, что в этом году мама высадила красные цветы. А теперь вижу, что сиреневые.

– Сиреневые, конечно, – ответила старшая. – И как чудесно цветут! У мамы золотые руки!

А Валерик, сын старшей дочери, студент Московской консерватории, обнял Ирину Михайловну и спросил ласково:

– Признавайся, бабуля, колдуешь над своими цветами? Пока никто не видит?

– Не без этого, конечно, – улыбаясь, согласилась хозяйка.

Теперь Валерик по многу часов в день играл на пианино в гостиной на втором этаже. Этот старый «Циммерман», который каждый год заботливо настраивали, был его первым инструментом. Он занимался на нем в музыкальной школе, потом в музыкальном училище, а теперь готовился к открытому выпускному концерту, который и должен был решить судьбу его распределения: останется ли он в Москве, в филармонии, станет ли концертмейстером в театре или поедет

учителем музыки в безнадежную глушь. Бабушка слушала музыку, возясь на кухне, протирая пыль в спальне или за вязанием в своей маленькой рабочей комнате. Он играл хорошо. Даже очень хорошо. Но этого было мало. Час за часом она концентрировалась, представляла, как Витя в первый раз касается ее, как приникает к ней, и она начинает чувствовать кроме волнения души и волнение тела... В один момент чудо послушно явилось: она почувствовала на шее муравьиное щекотание, и игра Валерика резко оборвалась. Когда он заиграл снова, это было не «хорошо» и не «очень хорошо», а гениально.

Вечером Ирина Михайловна позвонила Алине. Они поговорили об Алининых делах – она теперь заканчивала аспирантуру и писала диссертацию по физиологии.

– А скажи, – спросила Ирина Михайловна, – как по-вашему, когда человек умирает, душа его просто исчезает?

– Исчезает, конечно, – ответила Алина. – Если ты под душой подразумеваешь совокупность психических процессов.

– Так имей в виду. Если и исчезает, то не сразу. А сначала она остается там, где привыкла. Где ей было хорошо. Приходи к нам завтра утром, я тебя смогу убедить.

Назавтра Алина еще до работы открыла калитку и вошла в любимый двор. Этому невозможно было поверить – цело все! Сирень, фиалки, ландыши, розы, хризантемы, бархатцы и петунии, миндальные деревья, яблони, сливы, персики и старая акация. Дед пил чай на кухне и читал журнал «Зна-

ние-сила».

– А бабушка где? – замирая спросила Алина.

– Еще не вставала, – ответил Виктор Степанович. – Что-то она поздно сегодня. Ну, пусть отдохнет...

Первый роман

Анна Семеновна понимала, что она очень счастливый человек. Она была хорошей женой и матерью, вырастила двоих детей, которые теперь имели свои семьи и поддерживали с матерью теплые неформальные отношения. Муж ее умер от тяжелой болезни, и тоска по нему уже почти угомонила, она привыкла жить одна. Всю жизнь она работала врачом, пациенты любили ее, и частенько она встречала незнакомых людей, которые уверяли, что она вылечила их и ей они обязаны своей жизнью и здоровьем.

Много лет после наступления пенсионного возраста она продолжала работать в больнице, и начальство охотно продлеvalo и продлеvalo разрешение на работу. Наконец, в возрасте семидесяти шести она решила оставить работу и полностью предаться своей тайной страсти.

Дело в том, что пару лет назад Анна Семеновна начала писать книги. У нее уже был готов один роман о жизни двух богатых купеческих семей, на которые обрушился Гранадский эдикт, изгоняющий из Испании всех евреев, отказавшихся креститься. Роман она писала вечерами. Он заменил ей все развлечения, встречи с друзьями и поездки за границу. Она даже отложила ремонт, который грозил своими хлопотами, шумом и неудобствами отвлечь от событий, происходящих с героями. Даже вечерние телефонные разговоры

с детьми были теперь не очень приятны. Она иногда останавливалась на полуслове и бежала к компьютеру, записывая удачную фразу или только что придуманный эпизод. Трубка терпеливо молчала. Дети уже привыкли к ее странностям. Записав, она продолжала разговор. Но расспросы о внуках и о работе были довольно принужденными – мысли Анны Семеновны крутились возле ее героев, и ей хотелось поскорее положить трубку. Готовый роман она послала в издательство и через неделю получила ответ. Роман понравился, и издательство приняло его к печати.

Анна Семеновна ушла с работы и погрузилась в свою новую жизнь. Она писала вторую книгу, ожидала выхода первого романа. Потом читала на него отзывы в интернете и литературных журналах. Роман разошелся тиражом в двадцать тысяч экземпляров, что для нынешних дней было серьезным коммерческим успехом. Интернет принес ей массу поклонников, которые стали ее сетевыми друзьями. Почти все отзывы были благоприятными, а некоторые – восторженными.

Здоровье Анны Семеновны было для ее возраста очень хорошим. Ее не беспокоило сердце, давление оставалось нормальным, суставы не болели. Только память ослабла, так что она иногда забывала про визиты к стоматологу. Или не забирала вовремя вещи из химчистки. А пароли вообще не запоминала – записала их все на розовую бумажку и сунула в маленькую яшмовую вазочку на письменном столе. Но мучали головные боли, и они сильно мешали работать. Стар-

ший сын Анны Семеновны Давид к этому времени уже заведовал неврологическим отделением в областной больнице. Он настоял, чтобы мать прошла разные исследования. Сам водил ее на МРТ и консультировался со своим другом, тоже видным врачом. Отчего-то их эти головные боли сильно беспокоили. Она начала принимать лекарство, прописанное этим другом.

Недели через три голова стала ясной и безболезненной. Ей захотелось выйти на улицу, побродить в парке, полюбоваться на лебедей. Нагулявшись, она села на скамеечку и решила прояснить, что за лекарство принимает от мигрени. Название было ей незнакомо, а полюбопытствовать раньше и в голову не приходило. Она написала название лекарства в строке поисковика и углубилась в его описание. Это было сильное психотропное средство. Анна Семеновна удивилась. Еще не понимая, почему она это делает, она запросила в Гугле название своего романа и не нашла ни самого текста, ни отзывов. Похолодев, Анна Семеновна набрала свою фамилию, и Гугл немедленно выдал список статей по лечению рака гортани, которые она написала в соавторстве с коллегами много лет назад. Были какие-то конференции, в которых она принимала участие, она фигурировала среди сотрудников своей больницы, кто-то писал ей в Фейсбуке благодарности за высокий профессионализм и чуткое отношение, она имела аккаунт в Одноклассниках... И больше ничего. Никаких романов. Никаких критических разборов. Никаких чи-

тательских восторгов.

Анна Семеновна стала медленно осознавать случившееся. Так вот почему дети никогда не читали ее книгу. А дочь ненавидела даже упоминания о ней. Вот оно что... Оттого и тираж такой огромный... какое хорошее лекарство...

Анна Семеновна вынула из сумочки книжечку рецептов. Выписала четыре на свое имя. Прошлась по ближайшим аптекам. Потом заглянула в кондитерскую. Заказала любимое пирожное. Съела его с удовольствием. Выпила чашечку отличного кофе и вернулась домой. Она была спокойна.

Когда назавтра сын заехал к ней после работы, он обнаружил, что мама лежит в постели в ночной рубашке. Она умерла во сне часов восемь назад. На тумбочке остались пульт от телевизора, пустой стакан и четыре коробочки из-под снотворного.

Давид набрал номер своего друга психиатра, и тот ужасно огорчился. «Суицидальных наклонностей мы совершенно не заметили, – сказал он. – Эх, надо было госпитализировать и обследовать как следует! А ты со своими нежностями... вот и результат!»

Метичара

Письмо княжне Орбелиани в Тифлис из Тебриза

Дорогая моя Кэтино! Прости, что с самого отъезда не написала тебе ни строки. Мне было так плохо! Ужасная тошнота, и слабость, и головокружения... Иногда я думала, что умираю, а иногда боялась, что не умру и буду мучиться дальше. Я изгнала из кареты Тамрико и почти всю дорогу лежала. Саша сидел напротив и смотрел на меня с жалостью, но мне не было дела даже до него. Только Метичара лежала рядом со мной, засунув голову под мою ладонь, и вторила моим стонам слабым поскуливанием. Я всех замучила своей болезнью. Но, слава Всевышнему, мы доехали до места, и мне стало куда лучше. Ты удивишься, но здесь нашелся настоящий доктор англичанин. Очень знающий и вообще интересный собеседник. Муж просил его навещать меня каждый день.

Саша приготовил для нас дом, убранный много лучше, чем я ожидала. Нанял двух местных горничных и повара. Все как-то объясняются на смеси французского с турецким. И Тамрико при мне – ей я доверяю, как тебе. Я не помню ни одного дня своей жизни, когда она не была рядом со мной.

Представь себе, здесь есть общество. Меня навестила жена английского посланника, и мы с ней пили чай из того сер-

виза, который ты подарила на нашу свадьбу. Все было очень по-английски. Она остроумна, мила и настоящая леди.

Кроме того, я получила корзину фруктов от второй супруги принца Аббас-Мирзы и очаровательное письмо, написанное – ты не поверишь – по-грузински! Она родилась в Батуме. Принцесса приглашает меня на пикник, но Саша очень боится, как бы мне это не повредило. Однако Саша уезжает послезавтра. Он едет в Тегеран, вероятно, недели на три. Тогда уж мне не нужно будет спрашивать разрешения... Ты смеешься? Но ведь я теперь не девочка, а замужняя дама и сама решаю, что позволительно, а что опасно или вредно.

Целую тебя в обе щеки, дорогая моя кузина. Передавай привет твоим братьям и кланяйся от меня тетушке Тинатин и дяде Георгию.

Твоя Нина

***Из письма британского резидента в Тебризе
начальнику ближневосточного отдела
министерства иностранных дел в Лондоне***

...в заключение этого чрезмерно длинного письма сообщая, что неделю назад известный вам российский министр-посланник отбыл в Тегеран, оставив очаровательную беременную жену здесь в Тебризе. Они сняли большой дом рядом со зданием российской миссии. При юной супруге посланника (думаю, ей не более шестнадцати) находятся толь-

ко ее кормилица – женщина, определенно не представляющая для нас интереса, две служанки и несколько дворовых. Я прошу, с целью получения достоверной информации о действиях русских в Тегеране, разрешения на разработку молодой дамы. Полагаю, что было бы вполне естественно, если бы наш врач, доктор Сэмюэль Хейг, проявил бы повышенное внимание (чисто профессиональное поначалу) к состоянию мадам, оставшейся в Тебризе без семьи и друзей. Желательно, чтобы он стал ее конфиденнтом, а далее – по обстоятельствам. Почти всегда может отыскаться или возникнуть тайна, сокрытие которой потребует раскрытия других тайн. Не хочу загадывать наперед, но полагаю, что здесь есть поле, которое стоит возделывать, коль скоро нас интересует русская политика в Персии...

Из письма княжне Орбелиани в Тифлис

Дорогая Кэтино! Очень рада была твоему письму. Ты чудесно описала бал у наместника, и я очень смеялась, читая, как твоя бабушка отчитывала генерала Ермолова за то, что он слишком рьяно добивался твоего внимания. И я в ответ буду описывать все детали моей жизни, которые могут развлечь, заинтересовать или рассмешить тебя.

Мне чудится, что мистер Хейг, о котором я уже писала, не совсем равнодушен ко мне. Он осматривает меня каждый день, и я чувствую себя не совсем ловко, отвечая на его

слишком подробные вопросы, не подобающие джентльмену, которым он, безусловно, является, но совершенно естественные для врача. Доктор Хейг очень обаятелен. Он рассказывает замечательно интересные и смешные истории. Кажется, вся прислуга влюблена в него. Все расцветают улыбками, когда он приходит, и только Метичара терпеть его не может. Сегодня, когда он хотел проверить мой пульс, она укусила его за палец. Мой бигль, моя девочка, которая в жизни ни на кого не твякнула, прокусила ему мизинец до крови. Я не знала, как поступить, и мистер Хейг ушел, посасывая мизинец, несколько обескураженный тем, что я не наказала собаку, хотя бы словесным укором.

Из письма британского резидента в Лондон

...мне чрезвычайно лестна Ваша поддержка моего, а теперь уже нашего плана. Доктор Хейг систематически навещает свою подопечную под предлогом ее беременности по настоянию ее мужа. Удалось пока узнать немного, но и над этим немногим стоит поразмыслить. Посланник сообщает юной беременной супруге, что задерживается на несколько месяцев. По моим сведениям, он должен был всего лишь представиться шаху, получить аккредитацию и вернуться в Тебриз ко двору Аббас-Мирзы, где, собственно, и ведутся все переговоры. Если исключить (а почему, собственно?), что супруга успела ему до смерти надоесть и он от нее скры-

вається, должна быть серьезная причина для разлуки в этих обстоятельствах. Достойных доверия информаторов в Тегеране у меня нет. Может быть, Вы рассмотрите возможность (по доступным только Вам каналам) несколько подогреть обстановку в столице, дабы вынудить посланника вернуться сюда. В этом случае отслеживать не только действия, но даже и намерения русских было бы много проще.

Из письма княжне Орбелиани в Тифлис

Кэтино, дорогая моя! Сегодня случилось что-то настолько ужасное, что я, кажется, не сумею объяснить тебе этого ни по-русски, ни по-грузински.

Доктор Хейг раздобыл для меня редкое масло для растирания ног. Индийское снадобье, полезное беременным женщинам. Его открытый саквояж стоял на маленьком столике. Метичара вспрыгнула на столик, надеясь засунуть свой любопытный нос в сумку. Столик опрокинулся, и саквояж, падая, перевернулся. Из него посыпались инструменты, флакончики и коробочки, и прямо к моим ногам спланировал лист с яркой картинкой. Я думала, доктор Хейг нарисовал мой портрет – ведь мы уже так подружились, рассказывали друг другу все, и он открыто, хоть и деликатно восхищался моей душой и лицом. Но нет! Это было... turpitude, horreur,

vilenie²... там изображались два гусара и дама без одежды в одних чулках и в шляпке. Это невозможно пересказать словами, даже если бы ты не была девицей. К сожалению, я упала в обморок. Когда очнулась, возле меня хлопотала одна Тамрико. Храбрая женщина кликнула повара, и они вдвоем буквально вытолкали мерзавца из моей спальни.

А ведь я ему доверяла... рассказала о папеньке, о тебе, о Саше и даже о Сашиной работе.

Я больше не могу жить здесь на чужбине одна, без мужа и отца. Саша и папенька в каждом письме умоляют меня вернуться в Тифлис. Я думала, что мой долг находится поближе к мужу. Но теперь я решилась. Несмотря на ужасы дороги, я возвращаюсь домой. Всего пару недель, и мы с тобой увидимся.

Из письма британского резидента в Лондон

Сэр, признаюсь и каюсь, я потерпел полнейший афронт. Вчера доктор Хейг явился ко мне с письмом от юной особы, которую, Вы помните, он часто навещал в связи с ее беременностью. В письме на безупречном французском ему отказывали от дома в выражениях недвусмысленных, и, пожалуй, оскорбительных. Доктор утверждает, что причины для появления такого письма ему неизвестны, и, конечно, лжет.

² Рассказ написан в соавторстве с М. Воскобойником.

Я непременно заставлю подлеца рассказать все, но не в этом же дело. Теперь потеряна всякая возможность узнавать, чем занимается русский посланник в Тегеране, и я думаю, что нам необходимо срочно найти способ прервать общение этого господина с шахским двором. В этом всецело полагаюсь на Вашу мудрость.

*Письмо министра иностранных дел Британии
лорда Джорджа Гамильтона Гордона
Абердина ее величеству королеве Виктории*

Ваше королевское величество! На Ваш запрос со всей искренностью отвечаю: британские агенты не имеют никакого касательства к трагическому разгрому тегеранской чернью русского посольства. Разумеется, мы не хотели такого душе-раздирающего, бессмысленного и, более того, невыгодного для британской дипломатии злодейства. В наших интересах было только чуть-чуть осложнить отношение персов к русской миссии, чтобы стимулировать возвращение Александра Грибоедова в Тебриз, к своей супруге. Не хочу вдаваться в мелкие подробности, но пребывание русского посланника в Тебризе открывало перед нами перспективы некоторой экстраординарной информированности в вопросах русско-персидских отношений. Однако управлять толпой разъяренных фанатиков оказалось невозможно, несмотря на все усилия нашего резидента в Тегеране. Разумеется, он отозван

в Лондон и понесет соответствующее карьерное наказание.

Примите мое глубочайшее сожаление о случившемся вместе с изъяснением моей полной покорности желаниям Вашего величества. Я готов немедленно уйти в отставку, если такова будет Ваша воля.

*Из письма Нины Александровны Грибоедовой
скульптору Демут-Малиновскому*

Дорогой Василий Иванович! Еще раз выражаю Вам свою благодарность за Ваше согласие извять надгробие для моего мужа Александра Сергеевича Грибоедова на Святой горе в Тифлисе. Одна маленькая просьба. Мне бы хотелось, чтобы на могиле была надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»»

Накануне экзамена

Лена родилась в подмосковном поселке. У родителей там был свой просторный деревянный дом. В соседних домах жили такие же, как и они, инженеры, математики и архитекторы. Мама и бабушка Лены были врачами, так что ей и в голову не приходило поступать на какой-нибудь другой факультет. Ездить на занятия каждый день из дома было невозможно, так что ей законно дали место в общежитии в Москве.

Ее соседку по общежитию звали Надей. Она приехала из уральского поселка. Ее мама работала портнихой. Девочки быстро и крепко подружились. Лена была отличницей, а Наде учеба давалась не без труда, и Лена охотно ей помогала. К экзаменам они готовились вместе.

Шла зимняя сессия. Лена сидела с ногами на кровати, обложившись атласами, и читала учебник. Надя вошла и молча стала разматывать пуховый платок. По ее лицу катились слезы. Лена ужасно встревожилась. Подружка была веселой легкомысленной девочкой, и Лена еще ни разу не видела ее плачущей. Случилось действительно что-то очень плохое.

Надя, плача, продолжала раздеваться. Сняла пальто и сапоги, стащила шерстяные рейтузы и свитер и повалилась, уже безудержно рыдая, на свою кровать.

Кружка горячего чаю и бутерброд с колбасой ее немного

успокоили. Доедая последние крошки, она сказала:

– У меня будет ребенок!

Лена была потрясена.

– Как это может быть? – вскричала она. – Кто он? Да когда вы успели? И где?!

– Это Костик, – уныло ответила Надя. – Я не хотела. Правда не хотела. Мы в парке...

– Как, – взвилась Лена, – в парке? В такой мороз? Да как же это могло случиться? Ты же одета, как капуста!

Технические подробности так заморозили Лену, что она и думать забыла о коварстве Костика.

– Мы с ним сидели на скамейке, шептались, а потом поцеловались.

– Ну? А дальше?

– Всё, – ответила Надя.

– Подожди, что ты несешь? Мы же учим эмбриологию! А сперматозоид откуда?

– Дура ты, Ленка! – заревела Надя. – Какая еще эмбриология?! Мне мама сказала: если буду целоваться с мальчиками, рожу ребенка. Тебе мама не объясняла, что ли?!

– Мне – нет, – сухо ответила Лена. – И реви потише. У меня завтра экзамен.

Скорая помощь

Впервые я увидел фею, когда мне было уже за шестьдесят. Впрочем, она была не похожа на фею – толстая тетка, моего примерно возраста.

Мы разговорились на остановке, ожидая автобуса. Ждать пришлось минут сорок. Говорить с ней было необыкновенно легко. Как в студенческие времена – текучий стеб, перемежаемый цитатами, намеками на хорошо знакомые обоим анекдоты и фильмы, которые мы смотрели сорок лет назад, быть может, в одном и том же зале. Ее звали Майей. Она попросила мой телефон, чтобы позвонить домой, – свой Майя забыла на работе. Я дал ей мобильник, она поговорила с мужем и вернула трубку.

Черт его знает, что заставило меня через пару дней разыскать номер, против которого не было ничьего имени, и позвонить моей фее по ее домашнему телефону. Мы стали перезваниваться.

После первого же разговора, и даже еще во время него, я начал что-то чиркать на разорванном конверте. Закончив болтать, я продолжал рассеянно двигать ручкой по бумаге и с изумлением увидел, что нарисовал кошку. И не просто кошку, а свою Эльзу. Томную голубую британку, пушистую и благосклонную ко всем на свете. В этом бы не было ничего удивительного, если бы не одно обстоятельство: я совершен-

но не умею рисовать.

Когда дочь была маленькой, мне приходилось, пока жена уходила к врачу или пекла торт, рисовать по ее требованию животных. Я нисколько не затруднялся. Всякое четвероногое изображал в виде огурца, на одном конце которого был кривоватый кружочек с ушами, а на другом – метелочка хвоста. Ну и конечно четыре палочки, уходящие от огурца вниз. Если требовалась лошадь или корова – ноги снабжались копытами. Их я тщательно заштриховывал. А если это был заяц или собака, то просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.